

A black and white portrait of Vladimir Pozner, an elderly man with a balding head and a serious expression. He is wearing a dark, patterned suit jacket over a light-colored, button-down shirt. He is leaning against a large stack of books on the left side of the frame. The background is dark and out of focus.

ВЛАДИМИР
ПОЗНЕР

СУБЪЕКТИВНЫЙ
ВЗГЛЯД

*Немецкая тетрадь
Испанская тетрадь
Английская тетрадь*

Владимир Владимирович Познер
Субъективный взгляд.
Немецкая тетрадь. Испанская
тетрадь. Английская тетрадь
Серия «Символ времени»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69181684
ISBN 978-5-17-153464-6

Аннотация

Книга объединяет три работы Владимира Познера: Немецкую, Испанскую и Английскую тетради. Каждая из них – результат размышлений автора о стране, людях, с которыми ему довелось встретиться, о прошлом и будущем и о том, что связывает эти страны с Россией. Герои этой книги – немцы, испанцы, англичане. Именно их стремится понять Владимир Познер. Книга иллюстрирована фотографиями автора, и за каждой прячется уникальная история, маленькая, но выразительная.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Немецкая тетрадь	5
Введение	6
«Германская головоломка»	8
Татьяна Нидель	13
«17 июня 1953»	20
Сейгем Айгюн	25
Ханс Шеффер	30
Октоберфест	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Владимир Познер
Субъективный взгляд
Немецкая тетрадь
Испанская тетрадь
Английская тетрадь

Дизайн обложки Дмитрия Агапонова

Фото на обложке Юлии Ромашиной

Фотоматериалы предоставлены Владимиром Познером,
фотоагентством Getty Images и фотоагентством EAST
NEWS Russia

© В. Познер, 2023

© ООО Издательство АСТ, 2023

* * *

Немецкая тетрадь

Введение

Тот, кто пишет, знает, что такое «не пишется». Когда си-дишь, уставившись в пустой лист бумаги – или электрон-ный, – и не выходит ничего. Тоска. Пытаешься выдавить из себя хоть какие-то слова, сложить их в более или менее при-емлемый порядок, чтобы преодолеть чувство бессилия, но ничего не выдавливается или выдавливается такое, на что невозможно смотреть без отвращения.

Книжки, которые я написал вслед за документальными фильмами «Одноэтажная Америка», «Тур де Франс» и «Их Италия», писались необыкновенно легко, на одном дыхании. А потом все остановилось. Резко. Как будто в стремитель-но мчавшейся машине водитель ударил по тормозам. Толь-ко не было ни скрипа, ни скрежета, напротив, была полная тишина. Все встало. Последовали фильмы «Германская го-ловоломка», «Англия в общем и в частности», «Еврейское счастье», «В поисках Дон Кихота», фильмы, в которые бы-ли вложены переживания, порой даже страдания, размыш-ления, и мне казалось, что все это обязательно выплеснется в книги. Но...

Не писалось. Никак. Сколько раз садился к столу, столько раз я выходил из-за стола, не написав ни одного слова. Бы-вало, вдруг вдохновение, и вместе с ним возникало ощущение, что вот, наконец-то, все вернулось, сейчас ка-а-к сяду,

к-а-ак напишу! Звонил моему редактору Евгении Лариной с радостными новостями: ожидайте, скоро все будет. Но как только я сел за письменный стол, то с огромным трудом выдавливал из себя одну, максимум две страницы, и на этом все заканчивалось. И я принял решение больше не думать об этом, забыть. И стало легче. Никого больше не обманывал обещаниями вот-вот написать, но главное, перестал обманывать себя.

Правда, иногда тихий внутренний голосок противно ныл, стыдил меня, но безуспешно. «Все, – думал я с облегчением, – все, больше никаких книг не будет».

Совсем недавно я сидел у компьютера и смотрел фотографии. Их у меня великое множество, поскольку я страстный фотограф-любитель, и когда я отправляюсь на съемки фильма, то всегда беру с собой две, а то и три камеры. И снимаю. Портреты тех, у кого беру интервью, разные виды, разные городские уголки. И вот я листал папку с названием «Германская головоломка», смотрел на эти лица и пейзажи, снятые мною несколько лет тому назад, вспоминал все это... и вдруг подумал, что можно было написать книжку о том, какие эти фотографии навевают мысли... Нет, не точно, не подумал, а захотелось написать такую книжку.

Вот что получилось.

«Германская головоломка»

Я этот фильм снимать не хотел. Потому что боялся. Это просто сказать и куда как сложнее объяснить. Есть страх понятный, в разъяснениях не нуждающийся. Например, я боюсь акул. Боюсь – и все тут. Это разве надо объяснять? А боязнь делать фильм о Германии...

Я с самого детства ненавидел немцев. Это чувство внушил мне мой отец во время Второй мировой войны. Я войну помню: как в Париже меня сажал на плечи мой дядя Роже, чтобы спуститься в бомбоубежище во время налетов; как парадным шагом шли по Елисейским Полям немецкие войска и как, глядя на них, плакали французы, стоявшие вдоль тротуара; как наша семья по подложным документам сумела попасть в «Свободную зону» Франции, в Марсель, и оттуда через Испанию и Португалию, прихватив с собой мою «няню», девятнадцатилетнюю еврейку (ее родители дали моему отцу необходимую сумму денег, чтобы подкупить гестапо и получить выездные документы, при условии, что мы возьмем их дочь с собой). И еще я помню детство в Нью-Йорке и рассказы о немецких зверствах, которые потом получили реальное подтверждение, когда папа показал мне документальные ленты, снятые немцами в концлагерях – снятые тщательно и подробно, с известной всему миру немецкой аккуратностью. И помню еще о том, как папа рассказал мне, что его ближай-

шего друга, Вову Бараша, немцы отправили в Аушвиц в газовую камеру, а его собственного отца, моего дедушку, которого я так и не увидел никогда, кроме как на фотографии – стоит такой исключительно модно, даже чуть франтовато одетый мужчина, от которого веет тонким запахом туалетной воды – немцы расстреляли лишь за то, что его фамилия была Познер. Все это и множество других вещей сформировало мое отношение к немцам – не только к Гитлеру с компанией, не только к нацистам, ко всем до самого последнего.

Когда мне было неполных пятнадцать лет, мой отец, горячий сторонник СССР, коммунист по убеждениям, хотя и не член партии, потерял свою высокооплачиваемую работу в американской кинокомпании MGM, потерял из-за того, что не захотел сдать свой советский паспорт в обмен на американский; когда он попал в черные списки и лишился источника заработка; когда французские власти отказали ему в визе, таким образом практически закрыв не только ему, но моей маме, мне и брату возвращение во Францию; когда, наконец, советское правительство предложило ему работу в берлинском отделении «Совэкспортфильма», мы уехали в Восточную Германию, то есть именно в ту страну, которую я ненавидел и куда ни за что ехать не хотел.

Невозможно передать разницу между ярким, полным обещаний, бесподобным Нью-Йорком и Берлином – полуразрушенным, серым, кисло пахнувшим запахом некачественного бурого угля, которым немцы топили свои жилища. В Нью-

Йорке я чувствовал себя дома, это был мой город, я знал его как свои пять пальцев, я болел за королей бейсбола «Нью-Йорк Янкиз», я был абсолютно, несомненно, категорически стопроцентным нью-йоркским мальчиком, я был «своим». А в Берлине? В Берлине я был совершенно чужим: не мой город, не мои люди, и что вообще невыносимо, меня там принимали за немца, поскольку я ни слова не знал по-русски. Странное дело, я не помню, чтобы я тогда страдал, но, вспоминая сейчас прожитые там четыре года, я испытываю острое чувство жалости к тому американскому подростку, юность которого прошла в глубоко чуждой и ненавистной ему среде. Я знаю, что эти четыре года изменили меня – и физически, и психически. Я был 180 сантиметров роста, когда мы покинули Нью-Йорк. Попав в этот скудно снабжаемый Берлин, я перестал расти; думаю, я не добрал сантиметров 5–7 того, что предполагала природа. А из беззаботного, открытого, лишённого комплексов мальчика я превратился в... хамелеона, я чувствовал необходимость «менять краску», делаться похожим на других, чтобы меня не считали чужим, а принимали за своего. Как же это было мучительно трудно! Прошло не одно десятилетие, прежде чем я избавился от этого почти условного рефлекса, когда я перестал пытаться встраиваться, когда смог сказать себе – а значит, всем: нет, я не такой, как вы, не лучше и не хуже, но не такой, и мне совершенно все равно, как вы относитесь к этому, потому что для меня самое главное – это чувствовать себя

хорошо в собственной шкуре.

Порой мне кажется, что Германия мне мстит за то, что я так не люблю ее. Бред? Конечно, но именно в Германию эмигрировала моя дочь, увезя с собой мою внучку Машу и невольно тем самым лишив меня возможности участвовать в ее воспитании. Там, в Германии, родился мой внук Коля, и именно эта страна пролегла между нами. Сколько бы я смог дать им, если бы они росли рядом!.. Что до моего правнука Валентина, которому сейчас три года, то я для него в какой-то мере мифологическая фигура, которая приобретает реальные очертания два-три раза в год, когда я приезжаю в Берлин на несколько дней или когда он с родителями приезжает в Москву на Рождество.

При чем тут Германия? Разве было бы иначе, если бы моя дочь уехала во Францию? Или в Америку, куда приезжать было бы еще труднее? Правильный вопрос, логичный, но не ждите от меня логики, потому что речь идет о чувствах, а чувства к логике отношения не имеют. Все, что я рассказал, – это попытка объяснить вам, читателям, почему я боялся делать фильм о Германии. Я опасался того, что мои личные счеты со страной «трех Б» – Баха, Бетховена и Брамса, но и «трех Г» – Гитлера, Геббельса и Геринга – не позволят мне быть объективным, что я не смогу справиться со своими пристрастиями.

Опасался не напрасно. Посмотрев фильм заново, я должен был признаться себе в том, что моя неприязнь к Герма-

нии и к немцам то и дело давала знать о себе. Я старался быть непредвзятым, “evenhanded”, как говорят американцы. Не получилось. И теперь, вспоминая ту поездку по фотографиям некоторых ее «героев», боюсь того, что это случится вновь, что опять не удержусь и из меня, как из разбуженного вулкана, вырвется кипящая лава нелюбви. Постараюсь удержать ее. Очень постараюсь. А что получится, то и получится.

И последнее: в том, как размещены эти фотографии и связанные с ними размышления, нет ни хронологии, ни связи. Хотя, может быть, какая-то связь есть – не совсем как, например, в пазле, потому что здесь каждое фото значимо само по себе (в отличие от кусочков головоломки), но и как в пазле потому, что все фото и связанные с ними размышления, собранные вместе, составляют, как мне кажется, единую картину.

Татьяна Нидель

Город Цербст – можно бы даже сказать городок – не имел бы значения ни для кого, за исключением разве живущих в нем граждан, если бы не два обстоятельства. Первое известно немногим, но достойно упоминания. В ночь с 14 на 15 апреля 1945 года, за две недели до капитуляции фашистской Германии, ВВС США разбомбили Цербст в пух и прах, а точнее, уничтожили его на восемьдесят процентов. В этом не было ни малейшей надобности. В Цербсте не было никакой военной промышленности, не было гарнизонов, не было солдат. Зачем бомбить? Как сказала мне одна дама, союзники торопились нанести как можно более тяжелый урон той части Германии, которой предстояло стать зоной советской оккупации, и Цербст просто попал под их общую «раздачу». Ни о каких таких намерениях союзников я не слышал и не склонен доверять подобным разговорам, но факт остается фактом: городок, не имевший никакого военно-стратегического значения, стерли с лица земли буквально накануне конца войны, и этому нет ни объяснения, ни оправдания.

Второе обстоятельство куда важнее: первые пятнадцать лет своей жизни (не считая первых после своего рождения месяцев) провела здесь София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская. Она жила-поживала во дворце, пока совершенно неожиданно не была тайно вывезена в Россию по

требованию императрицы Елизаветы Петровны, желавшей выдать ее за своего племянника, сына Анны Петровны, внука Петра I, Карла Петера Ульриха, которого за три года до этого привезли из немецкого Киля в Санкт-Петербург.

Несчастному Карлу Петеру предстояло стать императором Петром III Федоровичем. Несчастному, потому что его ждала жестокая смерть от рук участников дворцового переворота, организованного его супругой, той самой Софией Августой, ставшей по приезде в Россию Екатериной Алексеевной, а после заказанного ею убийства мужа императрицей Екатериной II.

Вот таким причудливым образом русская романовская кровь была обогащена (или разбавлена?) кровью немецкой.

Я часто задумывался над тем, сыграло ли это обстоятельство роль в судьбе России? Повлияла ли немецкая «прививка» и если повлияла, то как?

«Что русскому хорошо, то немцу смерть» – эти слова приписывают Александру Суворову, и если он и в самом деле автор этой истины, не удивительно, что Екатерина не слишком жаловала его. Если фельдмаршал был прав, то соединение этих двух кровей должно было привести либо к смерти, либо к рождению чего-то невиданного. И привело: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить...»

Но я отвлекся.

Хоть и покинула Цербст будущая Екатерина Великая еще подростком и никогда туда не возвращалась, дух ее продолжает витать над городом. О ней напоминает полуразрушенный бомбежкой дворец, где проживала будущая русская императрица. Напоминает о нем и Татьяна Нидель.

Вглядитесь в эту фотографию. Это она, Татьяна Нидель. Харьковчанка, которая занималась германистикой и приехала в университет города Магдебурга, чтобы написать там и защитить диссертацию. Там, в Магдебурге, встретила Фредди Ниделя, вышла за него замуж и осталась жить в Цербсте.

При чем тут Екатерина II? – спросите вы. Чуть потерпите. Дело в том, что в Цербсте давно существует Общество Ека-

терины II. Возглавляла его преподаватель русского и немецкого языков Аннегрет Майнцер, женщина ничем не выдающаяся, живущая в такой же «хрущевке», какие сейчас стали в Москве сносить. Маленькая двухкомнатная квартира, маленькая кухонька, маленькая пятидесятилетняя женщина, говорящая по-русски с сильным акцентом, но почти без ошибок, родившаяся и прожившая всю жизнь в ГДР. Говорит тихим, спокойным голосом, смотрит в глаза, почти приятное лицо – почти, потому что чуть искривлен рот, может быть, поврежден тройничный нерв.

Была, как и все ее сверстницы, членом Союза свободной немецкой молодежи (гедезровского эквивалента комсомола), свято верила в сказку о социализме, пока в один прекрасный день не сообщили, что сказка кончилась.

– Если бы из ГДР можно было ездить в разные страны, – говорит Аннегрет, – если бы режим был с человеческим лицом, меня это полностью устроило бы.

О Екатерине II и об истории России того периода знает все. Стала членом общества имени российской императрицы при его создании двадцать лет назад, через десять лет возглавила его, но совсем недавно уступила этот пост Татьяне Нидель – когда она говорит об этом, в голосе слышатся (или так мне кажется) нотки сожаления.

Под впечатлением встречи с Аннегрет Майнцер я полагал, что новый председатель Общества Екатерины II будет чем-то на нее похожа, например спокойствием, сдержанностью.

Можете себе представить, какой шок я испытал, когда мне навстречу выпорхнуло блондинистое существо в розовом атласном платье, в розовых же туфлях на высоких ярко-желтых каблуках и в губной помаде того же оттенка, что и платье. Но если у вас мелькнула мысль «кокетливая профурсетка», как мелькнула у меня, то советую немедленно отказаться от нее. За легкомысленным фасадом скрывается жесткий, целеустремленный ум, не терпящий возражений и не знающий сомнений. И если вам придет в голову мысль, что я описываю саму Екатерину II, то вы будете недалеки от истины: мило улыбаясь, Татьяна Нидель говорит в шутку, что она – реинкарнация великой Екатерины, а в каждой шутке, как известно, есть доля шутки.

Татьяна добивается (и, уверен, добьется) восстановления дворца, в котором она регулярно устраивает костюмированные балы. Она выходит к гостям в одеждах императрицы под руку со своим Фредди, на котором пышный парик и богатые одеяния сидят как на корове седло. Но он давно примирился с мыслью, что в него не вселилась ни душа Орлова, ни Потемкина и что сопротивление не только бессмысленно, но и опасно.

И вот они идут рука о руку в свете горящих свечей, она – мило кивая своим «подданным», и он – нелепо вышагивая рядом. Россия и Германия? Татьяна, пристально глядя на меня совершенно синими глазами, говорит: «Екатерина была лучшим из всех российских монархов. Именно при ней Рос-

сия доби́лась призна́ния и дости́гла вели́чия. Ру́сский ха́рак-
тер нуждается в немецкой прививке, и Россия должна быть
признательна Германии за этот подарок».

«17 июня 1953»

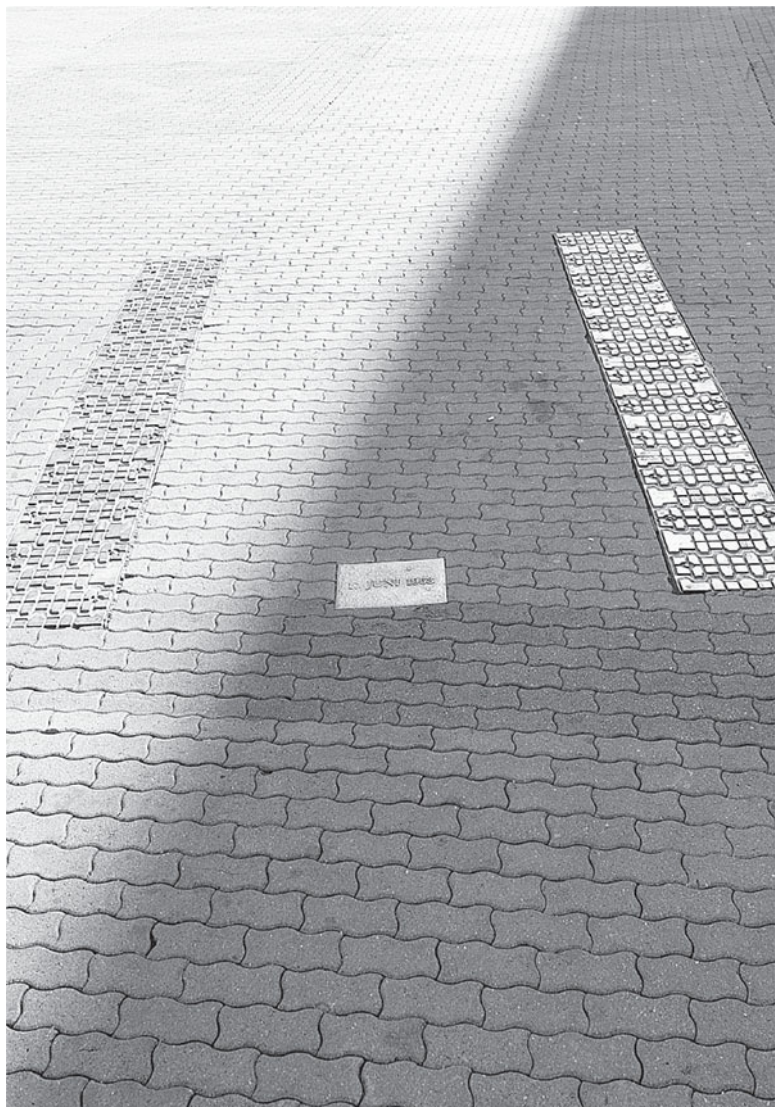
В Лейпциге, на площади, почти точно напротив гостиницы «Штайгенбергер» и недалеко от церкви Святого Николая, в одну из плит площади вбита небольшая металлическая квадратная плашка, на которой выведено 17 Juni 1953 («17 июня 1953»). Справа и слева от нее проходит то, что может показаться декоративными узорами. Но при ближайшем рассмотрении опытный глаз определит, что никакой это не узор, а изображение следа гусениц танка.

17 июня 1953 года в знак протеста против режима на улицы Берлина вышли сорок тысяч человек; тысячи людей – в других городах Германской Демократической Республики, в частности, в Лейпциге. В разгоне демонстрантов, помимо Вооруженных сил ГДР, приняли участие и советские войска, в том числе и танки. Крови было много. Очень много.

Прошло 36 лет, и здесь, в четырехстах метрах от этого памятника, из Николайкирхе вышли тысячи людей – они вышли из церкви во главе с пастором Кристианом Фьюрером, держа в руках зажженные свечи, и встали. Стояли молча, без лозунгов, протестуя против режима. Их окружили войска, из громкоговорителей приказывали им разойтись по домам. Они не расходились, они продолжали стоять, молча, не оказывая сопротивления. И войска отступили. То, что началось 17 июня 1953 года, завершилось 7 октября 1989 года, ровно

за месяц до падения Берлинской стены.

Я стоял на площади рядом со вбитым в плиты площади напоминанием и спрашивал проходящих мимо, знают ли они, что означают эта плашка и узоры, что такое случилось 17 июня 1953 года? В ответ некоторые отворачивались и ускоряли шаг. Другие пожимали плечами. Совсем немногие отвечали: «Была какая-то заваруха...»

Потом я спрашивал, знают ли они, кто такой был пастор Кристиан Фьюрер? Не знал никто. Я не стал спрашивать, хотя очень хотелось, знакомо ли им имя пастора Мартина Нимёллера. Не стал спрашивать, потому что не сомневался в том, что снова я увижу пожатие плеч. И тогда я счел себя обязанным рассказать о том, что Мартин Фридрих Густав Эмиль Нимёллер родился в Германской империи в 1892 году в семье протестантского пастора. Во время Первой мировой войны он был офицером военно-морского флота, командиром подводной лодки, за потопленные корабли противника был награжден орденом «Железный крест». После войны Нимёллер пошел по стопам отца и стал священником. Будучи националистом и ярким антикоммунистом, он вступил в НСДАП и приветствовал приход к власти Гитлера. Но вскоре пожалел об этом: нацисты рассматривали Церковь, в особенности протестантских пасторов, как врагов режима. В 1938 году Нимёллер был арестован и отправлен в концлагерь – сначала в Заксенхаузен, потом в Дахау. Он выжил – его освободили американские войска. Он знаменит своим высказыванием об ответственности. Оно звучит так:

«Когда нацисты пришли за коммунистами, я молчал, я же не коммунист.

Потом они пришли за социал-демократами, я молчал, я же не социал-демократ.

Потом они пришли за профсоюзными деятелями, я молчал, я же не член профсоюза.

Потом они пришли за евреями, я молчал, я же не еврей.

А потом они пришли за мной, и уже не было никого, кто мог бы протестовать».

С этими словами перекликается отрывок из проповеди английского поэта XVII века Джона Донна: «Человек не остров, целый сам по себе; каждый человек – часть континента, часть целого; если море смывает даже комок земли, то Европа становится меньше, как если бы был смыт целый мыс или дом твоих друзей, или твой собственный дом. Смерть каждого человека уменьшает меня, потому что я – часть человечества, и потому никогда не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по тебе».

Мы, люди, пока так и не усвоили этот урок. Могут людей давить танками, могут травить их в газовых камерах, нас это не касается. Точнее, касается только тогда, когда речь идет о близких. А так – нет. Не выходим на улицу по этому поводу, не протестуем. Потому что... что? Лень? Страшно? Не трогает? Не волнует?

Что случилось 17 июня 1953 года? Кто такой пастор Кристиан Фьюрер? Что сказал Мартин Нимёллер?

Да кто его знает...

Сейгем Айгюн

Я хотел назвать эту главку «Турецкий гамбит», но не стал, опасаясь, что меня обвинят в плагиате. Но название это было бы точным. Ведь гамбит – это некоторая жертва, некоторый риск, который совершается, чтобы получить стратегическое преимущество. Приглашение турецких рабочих в ФРГ в начале шестидесятых годов было, конечно, рискованным.

Подписав осенью 1961 года соглашение с Турцией, германское руководство исходило из того, что молодые и холостые (одно из условий соглашения) турки проработают два года, потом вернутся к себе домой, а на смену им приедут новые молодые холостяки, и так далее, что будет способствовать развитию так называемого «немецкого экономического чуда». Возвращать уже хорошо обученных турок на родину и получить взамен такое же количество необученных оказалось делом накладным. Поэтому приняли решение, позволяющее оставаться в ФРГ не два, а четыре года. Но позвольте, это как? Молодые горячие турки четыре года без семьи, без права жениться – что соответствовало положению соглашения – это не только негуманно, это, извините, нереально.

Ну, что ж, решило немецкое руководство, – пусть привозят свои семьи, а если нет семьи – пусть женятся здесь и постепенно вливаются в нашу Германию точно так, как в свое время иммигранты вливались в американский «плави́льный

котел». Это была принципиальная ошибка. Совершившие ее не подумали о том, что в Америке не было никакой титульной нации (если, конечно, не считать не связанных между собой индейских племен), иммигрантами были абсолютно все. Это во-первых. Во-вторых, все приехавшие до поры до времени были представителями европейской культуры, одной, если говорить расширенно, иудейско-христианской религии, и это их объединяло. Ничто не мешало тому, чтобы, попав в «плавильный котел», они выходили из него дотоле не существовавшей нацией – американцами. (Необходимо уточнить: когда во второй половине XX века в США резко увеличилось количество иммигрантов из Африки и Азии, «плавильный котел» превратился в «салатницу», в которой все вроде бы вместе, но каждый кусочек сам по себе.)

Другое дело – ФРГ. Там была титульная нация – немцы, и приехавшие должны были, как предполагали иные, превратиться в немцев. Пусть не сразу, но через поколение-другое. Но этому препятствовали два фактора: приехавшие были все из одной страны и их было очень много, но что еще важнее – они были не только представителями совершенно другой культуры, но и исторически враждебной религии.

Образовалось то, что можно назвать турецким анклавом в Германии. Сегодня это – около четырех миллионов выходцев из Турции, живущих в разных городах Германии по своим традициям и не проявляющих какого-либо стремления к интеграции. Да, есть исключения. Есть смешанные браки. Есть даже двойные свадьбы, когда одну и ту же свадьбу играют и по немецким обычаям, и по турецким. Но сути дела это не меняет.

На родину турки не уезжают по очевидной причине: в Германии им живется лучше. Сейгем Айгюн – тому пример. Он приехал в Германию лет сорок тому назад, приехал из бедной, отсталой турецкой деревушки, еле-еле умел писать и читать на родном языке, не говоря о немецком. Умеет ли он писать и читать сегодня, я не знаю, хотя убедился, что очень плохо говорит по-немецки. Когда я спросил его, почему он так и не выучил немецкий язык, он ответил: «А нас никто не учил. Привезли, чтобы вкалывали, вот и вкалывали на заводе по 16 часов в сутки. До общежития доберешься после

этого – только спать мечтаешь. Какой там язык! Зато моя дочь говорит как немка, да еще и по-английски умеет».

Айгюн преуспел. Он – владелец семи ресторанов «Хасир», двух гостиниц «Титаник» в Берлине и ряда гостиниц как в Германии, так и в Турции. Когда я спрашиваю, благодарен ли он Германии, чувствует ли, что он ей должен, от скалится и говорит:

– А собственно, за что? Это Германия должна быть благодарна нам. Мы привезли вкусную еду, которой не было в этой стране, мы своим трудом подняли ее.

Как он отреагирует, если одна из его трех дочерей захочет выйти замуж за немца? Он посмотрел на меня, прищурившись, недобрым взглядом.

– Мне все равно. Лишь бы любили друг друга.

Верится не очень.

Как и в то, что люди другой культуры, другой веры, другой расы, другой истории могут интегрироваться в другую страну без особых усилий, даже сказал бы – без намерения страны, их принимающей, добиться их интеграции.

Ханс Шеффер

Он меня принял в своей малюсенькой квартире, расположенной в гедеэровской «хрущевке» в Восточном Берлине. Ему был 81 год, он на три года старше меня. В квартире царит идеальный и строгий порядок – да и хозяин строг, он смотрит на меня холодно, не улыбаясь, говорит коротко, скупое, будто забивает каждым словом гвоздь. Зовут его Ханс Шеффер, он – полковник в отставке более не существующих Вооруженных сил Германской Демократической Республики.

Меня к этому человеку привели две фотографии. На одной, относящейся к октябрю 1961 года, заложив руки за спину и расставив ноги в позе, сильно напоминающей нацистских военных, стоит офицер. Справа от него видны советские танки, а метрах в трехстах, впереди – танки американские. Этот эпизод относится к шестнадцатичасовому противостоянию танков двух сверхдержав у «Чекпойнт Чарли»¹. Мало кто помнит об этом, но тогда мир стоял на грани новой войны: достаточно было бы одному из командиров приказать выстрелить.

Другая фотография (стр. 35) была сделана 17 августа 1962 года. На ней офицер что-то приказывает солдатам, которые

¹ **Чекпойнт Чарли** (англ. Checkpoint Charlie) – американский контрольно-пропускной пункт на границе Восточного и Западного Берлина. – Прим. авт.

держат тело раненого Петера Фехтера, пытавшегося бежать из Восточного Берлина в Западный. По пути в больницу он умер от потери крови.

На обеих фотографиях один и тот же офицер – Ханс Шеффер.

Правда, он тогда не был полковником, но офицером-то он был, и меня интересовало, как он теперь оценивает свои тогдашние поступки, не жалеет ли о чем-либо, как спится ему по ночам. Как мне кажется, если бы эти события происходили в другой стране, если бы я имел дело не с немцем, ответы был бы иными. Не могу сказать, какими именно, но более, что ли, «круглыми», более оправдательными. А полковник в отставке, точнее, немецкий полковник в отставке, ответил вот что: «Я гражданин ГДР. Западные мне не друзья. Ни о чем не жалею. Честно и до конца выполнил свой солдатский долг».

Ответ меня ошарашил своей жесткой, даже жестокой честностью. Ни малейшей попытки что-то приукрасить, никакого притворства. Потом, разговаривая с немцами в разных районах Германии, я снова и снова наталкивался на то, что стал для себя называть немецкой правдой. Когда мы начинаем перечислять «немецкие черты», непременно говорим об аккуратности, точности, законопослушании, чинопочитании. Я добавил бы склонность говорить обнаженную правду. Это не значит, что немцы не врут. Врут все. Но не всем свойственно так беспощадно, без прикрас, без тени оправдания говорить о себе правду.

В данном случае – и случай этот важный – человек говорил правду, ни минуты не сомневаясь, что он поступал по-солдатски честно, а значит правильно. У него не возник во-

прос, несет ли солдат ответственность за выполнение приказа своего командира.

Ответ очевиден: нет, не несет. Ведь ни одна армия не может существовать без принципа «приказы не обсуждают, приказы выполняют». У Шеффера, пограничника, отвечавшего за соблюдение порядка у Берлинской стены, был приказ: любого человека, пытающегося бежать, перебраться через стену, остановить – сначала окриком, потом, если беглец не подчинится, стрельбой на поражение. Ведь стена в данном случае – государственная граница, а во всем мире нелегальный переход границы наказывается, в частности, таким образом. Так-то оно так, но Берлинская стена – граница особого рода, она была установлена произвольно, к тому же не с целью препятствовать ее переходу гражданам чужих стран, а гражданам своим собственным. Ее строительство пресекало свободное передвижение граждан ГДР, ее законность сомнительна. Приказ стрелять по своим вызывает вопросы.

Наступает ли момент, когда выполнение приказа становится преступным? Принципы, выработанные на Нюрнбергском процессе, говорят: да, безусловно. Ведь в Нюрнберге судили, осудили и казнили не только руководителей Третьего рейха, но и многих других, среди которых были судьи, врачи, бюрократы и, конечно, военные. Можно ли требовать, чтобы человек в форме (да и не только в форме) задумывался над приказом, чтобы его представления о добре и зле были важнее приказа? Я не раз говорил о том, что я атеист, но если допустить, что когда-нибудь наступит Судный день, что скажет Бог Хансу Шефферу? Да и не только ему...

Как вы думаете?

Октоберфест

Посмотрев еще раз на фотографии, относящиеся к этой теме, я понял с большим сожалением, что, помести я даже несколько десятков этих фото, я бы все равно не смог передать вам истинный дух того, о чем хочу говорить. Все-таки, нарушая собственный принцип «одна главка – одна фотография», я здесь выбрал три в надежде, что они хоть как-то дадут вам почувствовать то, что происходит здесь с 1812 года, когда весь Мюнхен праздновал свадьбу принца Людвиг-а (будущего короля Людвиг-а I Баварского) и принцессы Терезы Саксен-Хильдбургхаузенской. Мне хотелось, чтобы вы слышали барабанную дробь, звуки труб марширующих оркестров, мне хотелось, чтобы вы ощущали запахи пива, жареных цыплят, сосисок, салатов и, конечно, пота. Мне хотелось, чтобы вы оглохли от оркестров и пения десяти тысяч глоток, мне хотелось, чтобы вы, закрыв глаза, представили себе все это. А «все это» – это вот что...

Ежегодно с середины сентября до первых чисел октября в Мюнхене проходит народное гулянье Октоберфест («Октябрьский праздник»). В нем принимают участие около шести миллионов человек. Их главное занятие – пить пиво, производимое исключительно мюнхенскими пивоварами в соответствии с мюнхенским законом о чистоте пива 1487 года и немецким законом о чистоте пива 1516 года. За

две недели этого гулянья в среднем выпивается 6 миллионов литров пива, съедается 500 тысяч жареных кур (помимо огромных кренделей, белых баварских сосисок, картофельного и капустного салатов, свиных окороков, зажаренных на вертеле быков и запеченных на палочке рыб). Все это происходит в 14 больших палатках, вмещающих до 10 тысяч человек каждая, и 15 малых на несколько сот посетителей. В каждой палатке на эстраде играет свой оркестр, музыка которого сопровождается многотысячным хором посетителей, во все горло орущих народные песни. Люди эти почти все одеты в баварские национальные костюмы, так называемые «трахт» (это может быть как для мужчин, так и для женщин). У мужчин костюм состоит из кожаных коротких штанов – (ледерхозен), рубашки, жилета, сюртука, белых до колен носков, черных на толстой подошве ботинок и шляпы с перьями. Женский костюм называется «дирндль» и состоит из пышной юбки, весьма открытой блузки, нечто вроде корсета на шнурах и фартука. То, где расположен бант завязок фартука, принципиально важно: если слева, значит дама свободна, если справа – замужем, если спереди посередине – девица, если сзади посередине – вдова.

На мой взгляд, пузатые, усатые и часто кривоногие мужчины выглядят комично в своих кожаных шортах. Женщины, напротив, – довольно соблазнительно. Замечу, что нигде в Германии так активно не носят народные костюмы, как в Баварии, где зачастую в таком наряде приходят на работу.

Но это я пишу лишь для справки, собираясь с силами, чтобы передать вам то, что я чувствовал, сидя в одной из больших палаток за столом, удобно расположенным на втором ярусе, откуда видна была вся эта масса тонущих в песнях, криках, плясках и, конечно, пиве людей.

Поначалу мне было любопытно, но постепенно, по мере того как гул нарастал, как количество выпитого пива делало свое дело, как степенные баварские бюргеры превращались в какое-то тысячеглавое чудовище, мне становилось сначала неуютно, потом не по себе, а в какой-то момент в голове зазвучала тема «полета Валькирий». Вообще, глядя на происходящее, я много думал о Рихарде Вагнере, к которому я отношусь приблизительно так же, как к Достоевскому. Оба они гении, оба они понимали свой народ как никто другой.

Я часто задаюсь вопросом, схожи ли русские и немцы? Как будто нет. Но с другой стороны, именно немка была чуть ли не самой выдающейся правительницей России, да и в жилах многих Романовых текло немало немецкой крови. Наверное, можно найти схожие черты при сравнении почти любых двух народов, но, наблюдая за разгулом на Октоберфесте, я попытался представить, могло ли такое состояться в России. Думаю, могло бы, но с одной существенной разницей. Я провел на Октоберфесте один полный день, и это был день его закрытия, то есть день особый; с Октоберфестом прощались, можно сказать, яростно, со стрельбой из пушек и старинных пистолетов. Замечу, что стреляли и мужчины, и женщины, стреляли умело, методично и ловко перезаряжая свое антикварное оружие, стреляли, я сказал бы, с удовольствием. Так вот, за весь этот день я увидел тысячи пьяных людей, но не увидел ни одной драки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.